

БЕСЕДЫ О ВЕРЕ

О храме и почитании священных предметов

Окончание. Начало в № 25 ("Контакт", 5 апреля)

Книга Исход (глава 3, стих 5) говорит: "И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая". Почему земля стала святой? Может быть, изменился ее химический состав? — нет. Если сказать, что там был Господь, то всем нам надо ходить босиком, потому что Бог вездесущий. Почему земля стала святой?

Дело в том, что всякий раз, когда Бог проявляет видимым образом Свое присутствие, происходит освящение материи и сама эта материя становится объектом почитания. Таким святым местом был Иерусалимский храм, о котором псалмопевец Давид говорит: "А я, по множеству милости Твоей войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем" (Псалтирь 5:8).

Из Библии мы знаем, что если где проявлялось присутствие Духа Святого, то место то ветхозаветные патриархи отмечали особым почитанием. Например, лестница Иакова. Что сделал Иаков, когда проснулся? Он почтил это место и даже тот камень, который был у него в изголовье (книга Бытие, глава 28, стихи 10-22).

В Священном Писании говорится, что благодать Божия может действовать через разные формы материи. Например, 4 Царств 13:21 говорится: "погребавшие бросили того человека в гроб Елисея; и он при падении своим коснулся костей Елисея, и ожил и встал на ноги свои". Мы видим, что останки мертвого человека могут источать Божию благодать. Ведь не просто же кости одного мертвеца воскресили другого мертвеца. Это благодать Духа Святого, который почивал на этих костях.

Одежда Христа исцелила кровоточивую женщину, вещи апос-

тола Павла источали Божию благодать (книга Деяний 19:11 - 12).

Когда сосуды храма Иерусалимского оказались при дворе царя Валтасара и когда они начали использоваться не по назначению (ну казалось бы — чашка она и есть чашка), то в ту же ночь Бог умертвил этого дерзкого царя (Дан. 5).

Муж Оза (2 Царств 6:6 - 7) прикоснулся к Ковчегу Завета, чтобы поддержать его, когда тот нахренился и был поражен Господом, ибо никто, кроме левитов, не мог касаться этой святыни.

Очевидно, что необходимо почитать священные изображения, священные сосуды и священные предметы.

Бог сам устанавливает, что должен быть храм, в нем должны быть изображения. Христос никогда не отрицал служение храма. Последняя глава Евангелия от Луки говорит, что апостолы после Вознесения Христа на небо пребывали в храме, участвуя в

храмовом богослужении: "и пребывали в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь" (Лк.24:53).

Иоанн Богослов имел духовные видения, описанные в его книге Откровение. Что он видел на Небесах? Он там разве видел Христа в пиджаке и галстуке? Он видел Иисуса Христа в одежде подир, т.е. в облачении ветхозаветного первосвященника, он видел ангелов, которые летали с кадильницами, он видел 24 старца, которые поклонялись перед престолом Агнца. Это все было в Духе Святом, это было великое откровение.

Все, что делал Моисей, этот пророк Божий, он делал по образу Небесной Скинии, все устройство земной скинии отражало метафизическую реальность Божьего мира. И это правильно, ведь небесное является примером для земного.

Все, что в Иерусалимском храме было сделано, было также

сделано по образу небесного храма Божия и имеет вечное, непреходящее значение.

Обратите внимание на повествование книги Откровения: все события этой книги разворачиваются как бы в огромном вселенском храме — там есть и жертвенник, и престол, и семисвечник, то есть все то, что вы находите в православном храме. Каждый наш храм — это небо на земле, потому что по той же самой структуре небесной скинии организован: вы заходите в православный храм, вы видите святая святых — там престол, за престолом семисвечник, слева от престола жертвенник — мы не нарушаем этот порядок, он установлен Богом для спасения людей.

По материалам современной христианской апологетики составил протоиерей Алексей КАШИЦЫН.

"Мои стихи совсем не для парада.."

Валерий Викторович Берсенева, как поэт и журналист, известен не только в Междуреченске. Он пишет уже пятьдесят лет. Его стихи печатались в разное время в журнале Союза писателей России "Наш современник", альманахах "Сибирские огни", "Огни Кузбасса", в сборниках "Притомье", "Сибирская поэзия", "Собор стихов", "100 лет сибирской поэзии". Публиковался он и в разных газетах области. А недавно вышел его персональный сборник ("Злые города") — второй по счету.

Писать он начал еще в школе. Вернее, как сам это характеризует, начал заниматься рифмоплетством. Его отец в то время работал директором клуба и руководил агитбригадой — они тогда были очень востребованы. В Осинниках, где жили Берсенева, как и в большинстве малых городов страны, городского телевидения не было, газеты не успевали оперативно откликаться на события, да и, вообще, люди тех лет были как-то активнее, чем нынешние. И если что-то где-то происходило, агитбригадовцы были тут как тут. Вот, к примеру, кочегарка дымит — отец сыну тему подкидывает, и тот старается, вот народная дружина не в полную силу работает, Валере и это тема.

А однажды он и вовсе загордился. В Осинниках открывали памятник героям Великой Отечественной. И его, четырнадцатилетнего мальчишку, попросили написать стихотворение к дате. Написал, опубликовали, крупнейшим шрифтом, на первой полосе. Радости было!

Спустя время пришел Валерий в городскую осинниковскую газету, ощущая себя практически маститым поэтом. А ему навстречу вышел "не меньший поэт", который кропал стишки на такие же злободневные темы. Взглянув со скукой на раздувавшегося от гордости мальчишку и небрежно бросил: "У вас, молодой человек, нет своего отношения к отображаемому".

— Я замучил всех, — улыбается Валерий, — приставал к взрослым, детям, одноклассникам — что это, свое отношение? Столько лет прошло, помню это. И осознаю, что одно в жизни понимаю, а что-то и нет, этому до конца дней своих учиться надо. Ни один человек не будет прав, если станет утверждать,

что он все в жизни понимает. Тот сотрудник газеты, который сказал мне о необходимости иметь свое отношение к отображаемому, сделал это, скорее всего, от скуки, лишь бы отвязаться от меня. Но благодаря этой случайно брошенной фразе я начал задумываться о многом.

Задумываться будущий поэт Валерий Берсенева, а тогда еще школьник, начал и о том, для чего собственно он пишет, что хочет сказать людям. Сегодня он убежден:

— Ты, как поэт, должен донести до читателя что-то новое, интересное, что ты увидел, а он не видит. Ты должен каким-то образом удивить его неожиданностью. Поэт сумел найти в себе что-то такое, чего не нашел никто другой, — и он стремится передать это людям. Те, в свою очередь, могут что-то принять, а что-то — нет, ведь мы все разные. Литератор постоянно ищет такие вот моменты, крупинки. Он может их находить, а может и нет. И ни один поэт, писатель не может сказать о себе, что это ему удастся. Это может показать только жизнь.

В Евангелии есть очень мудрая притча о пяти хлебах. Чем накормил Спаситель пять тысяч человек, разве хлебами? Если разделить пять хлебов на столько человек, выйдет по крошке, таким количеством голод не утолишь. Спаситель людей не хлебами кормил, он в толпу пустил свою проповедь, а люди стали толковать ее дальше. У тебя мысль, у меня мысль, я свою высказываю тебе. Я ее тебе отдал, но ты еще должен ее понять. А что значит — понять? Это значит перевести ее на свой собственный, внутренний язык. Но понятия мои не соответствуют понятиям твоим — у тебя другой жизненный опыт. И понятия то-

бою мысль начинает преобразоваться, она уже становится твоей. И если ты потом как-нибудь выскажешь эту мысль, ты невольно передашь ее с некоторыми другими нюансами, эти нюансы мне мою же мысль покажут с другой стороны. Вот так размножается информация. Она может быть серой, невыразительной, но иногда из этого котла выскакивают такие поразительные блестящие!

Такие блестящие — на каждой странице сборника Валерия Викторовича Берсенева. Его стихи хочется читать в тишине, в одиночестве, впитывая каждое слово. И очень во многих из них видишь себя. Вот одно из таких, "Часики":

До чего же все это всерьез:
Жизнь и смерть,
и слова без ответа...
И любой повисает вопрос
Там, где нету ни тьмы
и ни света.
Не сейчас, неудобно...
Живешь,
До удобного времени дело
Отложив: то момент нехорош,
То — устал. Но когда у предела
Обернешься...
Да как же я мог
В полувздохе прожить,
в полувзвухе?
Не поднять, что лежало у ног,
Что навалом в дырявые руки
Так и сыпалось?!
Секундомер
Был запущен,
и время сжималось.
Эх, и жил бы! Другим
не в пример!
Год бы, сутки, минутку -
хоть малость!
Ускользнуть бы, уйти от косы.
Ах, какие не вызрели зерна!
...И увидишь, что эти часы

Для разинь не заводят
повторно.

Новый сборник Валерия Берсенева содержит в себе четыре раздела: "Вершина жизни", "Злые города", "Менталитет, блин..." и поэму "Крыжовник". Это очень емкое, сжатое изложение прожитого и пережитого. Его жизнь сложилась так, что впечатлений собрано столько — не на одного бы хватило. Педагог по образованию, он работал учителем русского языка и литературы, фрезеровщиком, слесарем, строгальщиком, буровиком в геологоразведке, техником-геофизиком, репортером в газете. И всегда писал, просто не мог этого не делать — именно потому, что стремился отдавать.

Валерий всю жизнь собирал предания своей семьи. Итогом этого и стала поэма "Крыжовник". Название родилось от его фамилии: в старорусском языке существовало понятие "берсень" — крыжовник. Оно как нельзя точно передает характер практически всех представителей рода Берсенева — предки Валерия были известны своей колючестью, неудобностью, из-за чего нередко попадали в разные переделки.

А еще крыжовник — один из самых неприхотливых кустарников, он легко дает отводки — отпрыски, нетребователен к почве. Такими, умевшими жить (и выживать в любых условиях), давшими много "отводков", были прадед, дед, другие родственники Валерия, о них в семье хранятся легенды. О каждом можно рассказывать часами, в "Крыжовник" вошла лишь небольшая часть семейных преданий. Каждый персонаж поэмы написан настолько емко и ярко, что буквально видишь его, проникаешься к нему симпатией.

...Рассказывали, прадед
был плечистым,
К работе грубой,
плотничкой привык...
Но, говорят еще,
он был речистым,
И многих уколал его язык.
Кто дуракам отдаливал мозоли,
Для тех велик
И самый краткий путь.
Ну что с того,
что не учился в школе?
Он мог,
Как розгой,
Словом полоснуть...
Тонким юмором пронизан раздел книги "Менталитет, блин...". Невозможно не улыбнуться, читая стихотворение "Кавалер".
Апрель,
Капель...
Сижу на крыше я
И песни страстные пою:
"Явись, лохматая и рыжая, —
Уврачевать тоску мою!"
Когда, блохастая и нежная,
Ко мне ты, крадучись,
придешь —
Прости, прости,
что так поспешен я!
Мне этот долгий пост —
как нож!..
А сколько боли в других стихах — тех, в которых автор касается злободневного. Это надо читать, переживать. Валерий Викторович берет за разные темы, а основную опеределяет для себя так:
...Мои стихи совсем
не для парада,
А чтоб оставить, как ударит срок,
Клочок измятой,
некрасивой правды
В запале спотыкающихся строк...

Подготовила
Нина БУТАКОВА.